

МЕТАЯЗЫКОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ

Анотація. На тлі аналізу еволюції писемності ведеться пошук шляхів вирішення проблеми створення метаязыка іконічної комунікації для потреб художнього виховання.

Анотация. На фоне анализа эволюции письма ведется поиск путей решения проблемы создания метаязыка иконической коммуникации для нужд художественного воспитания.

Annotation. Trying to create the describing language of non verbal component of communication we want to find the solution of the similar problem relevant to an Imagine component.

Постановка проблемы. Чертеж, рисунок, живописное произведение, фотография, скульптура, архитектурное украшательство, содержимое матрицы цифрового фотоустройства, т. е. любое каким-либо образом полученное изображение или натурная модель, а также, что привычнее, текст на основе алфавита — это все объекты письма как материального выражения языка.

Изложение основного материала. Понимается «язык в самом широком смысле этого слова», т. е. не как средство говорения, а как совокупность любых коммуникативных объектов. Можно утверждать, что развитие письма в полной мере отражает закон диалектики о спиралевидном развитии, когда все в мире повторяется, но уже на новом уровне развития. Письмо, будучи рисунком, на определенном этапе, пройдя в своем развитии длинный и сложный путь через стилизацию (следуя законам знаковой экономии), через символизм (подвергаясь действию универсализации) и, наконец, через фонетизацию (приспосабливаясь к наиболее распространенной форме реализации общения), снова, похоже, возвращается к своей первоначальной форме, т. е. рисунку. Первоначальному, если принять, за точку отсчета рисунок. Такое утверждение не согласуется с традиционными представлениями об эволюции письма, где история письма показана «в его эволюции от древнейших ступеней семасиографии, на которых значение передается рисунком, до последней ступени, фонографической, на которой письмо уже выражает язык» [5]. В сложившихся представлениях, правда, с оговорками, выделяются такие ступени развития письма: «неписьмо», «предписьменность» и «собственно письмо». Не включение же в круг письменности рисунок поясняется тем, что «рисунок как средство коммуникации лишен эстетического оформления, составляющего существенную часть рисунка или картины как произведения искусства» [5]. Но ведь даже такие изобразительные элементы как форма, размеры, окраска современного шрифта не что иное, как средство повышения его информа-

тивности. А если же такой текст выходит иногда на уровень произведения искусства, он отнюдь не теряет своего коммуникативного предназначения.

Следуя нашей векторной концепции внедрения в обиход тех или иных коммуникативных единиц [10] фонографическая система прижилась потому, что для говорения достаточно собственного органа, и фонетические знаки «проще реализовать», они позволяют «быстрее обмениваться информацией» и прочее. Но существенные недостатки системы с проблемами типа «подольше помнить», «дальше передать» и др. стимулировали снова обратиться к рисунку, но теперь упростив его через стилизацию. Стилизация привела к неузнаванию обозначаемого знаком, и тогда прибегли к договоренностям. Знак переходит в разряд символики. Теперь ничто не мешает расширить круг обозначаемого, при этом, правда, круг посвященных сужается. Одновременно для реализации письма приспособляются новые носители (воощенные дощечки, папирус, бумага и прочее), приспособляются новые инструменты, как предметы из обычного окружения, так и артефакты (стило, кисточки, перья и т. п.). Это определенным образом снимает ограничения на экономность знака, открывая путь к его универсализации. Привязка знака к звуку, вычленение из речевого потока слова и возможность образования различных сочетаний позволило полностью решить проблему фонетизации письма. Так сложился вербальный язык, функционирующий как в устной, так и в письменной форме по унифицированным правилам. Вербалика в повседневном употреблении берет верх над изобразительным языком. Изобразительный язык (иконика) сохраняется в прикладном функционировании в пользовании интенсивно развивающегося, но достаточно узкого, социума: специалистов-прикладников, инженеров и т. п. Наиболее эстетизированная часть иконики перебирается в область «чистого искусства», где, находясь в ведении мастеров, вполне доступна и понятна самому широкому социуму. Таким образом, «чистое искусство» работает как некое хранилище, где законсервированы ограничено востребованные или пока не реализуемые по разным причинам коммуникативные возможности. Время от времени из этого хранилища черпаются приемы и технологии, принятые в искусстве, на что указывают исследователи. «В это время (эпоха Возрождения) формирование художественных профессий, и архитектора в том числе, — отмечает Бугаева, — опиралось на приспособление традиционных средств изображения к решению насущных задач практики. Поиск более правдивого изображения сооружений привел к синтезу объемных и схематических изображений, научно обоснованными способами отображения точности того времени» [4]. Необходимо отметить, что и до недавнего времени роль изобразительных средств оставалась как дополнительная в вербальных текстах. Тексты содержат массу включений, выраженных средствами графики. Эти включения организуют текст, делают его более выразительным и более воспринимаемым. Отдельные графические элементы, берут на себя часть выражаемого текстом, и

иногда часть, достаточно весомую. Это самые разнообразные и разнохарактерные объекты: рисунки, фотографии и украшения с акцентирующей функцией, вроде буквицы. Это колоннитулы с наполнением и без, шрифты разного начертания, размера, окраски и выделения. Наконец, сама топология текста относительно поля носителя и его окраска, а также фон — несомненно, серьезные факторы в части восприятия написанного. Особую роль указанные элементы играют в таких коммуникативных областях как СМИ, реклама, дизайн-проектирование и им подобных. Это области, где порой трудно определить, что содержательно важнее — вербальная или изобразительная составляющая.

Проходит время, и в качественном и в количественном отношении роли вербальной и иконической составляющих коммуникации перераспределяются. Нужно сказать, перераспределяются ощутимо и достаточно быстро. В условиях интенсивного развития всех сфер человеческой деятельности, и в первую очередь — сфер социальной, языковой и связанной с ними сферы технической, того, что мы называем областью взаимодействия триады социалема-лингвема-технема [9], происходят существенные изменения, как в характере самой информации, так и в ее структуре. В жизнь человека вошла необычайно быстро развивающаяся технема в виде компьютера и связанных с ним технологий. В очередной раз вторжение артефактов происходит не только в сферу физической деятельности человека, но и в сферу интеллектуальных проявлений, конкретно в область знакового виртуального представления действительности. В обиход (в среду «широкой» социалемы) внедряются и закрепляются коммуникативные средства (лингвемы) из области специальных коммуникаций. Языковой инвентарь коммуникации наполнился и продолжает пополняться новыми элементами, более эффективными и продуктивными в отобразительном плане. Теперь то, что было доступно лишь специалисту, уже под силу человеку, едва постигшему грамоту, скажем ребенку, овладевшему элементарными навыками общения с компьютером. В силу специфики компьютерных устройств для представления информации человеку, способа и характера ее отображения, того, что называют «человеко-машинным интерфейсом», многократно выросла доля изобразительной составляющей коммуникации, как дополняющей вербальную коммуникацию, так и местами вытесняющей ее. Но самое интересное то, что многое из возникшего в человеко-машинном общении все настойчивее пробивается в общее употребление. Наглядный пример тому — так называемые «смайлики». Поэтому вопрос о разработке средств представления и описания изобразительных категорий, то, что лингвисты называют метаязыком, выходит на передний план. Эти разработки стимулируются множеством проблем, связанных с функционированием иконических средств. Назовем наиболее значимые из них.

Проблема сопоставления изображений, скажем в задачах информационного поиска. Как отмечают В.Карпович и А.Блинов: «Язык изображе-

ний характеризуется тем, что в нем отсутствуют критерии тождественности двух изображений: при различных уровнях анализа результат исследования двух изображений на тождественность может быть различным. Поэтому, в частности, вопросы различения оригинала и копии для аналоговых языков иногда неразрешимы» [8]. Проблема возникнет тогда, когда встанет задача поиска непосредственно в массивах изобразительных объектов. Если формирование поискового образа изображения какими-либо средствами, к примеру, из арсенала теории распознавания образов, в принципе возможно — этот этап в руках подготовленных специалистов, то как быть с составлением поискового предписания? Поисковое предписание, скорее всего, будет составлять непрофессиональный пользователь.

Есть проблемы и более общего характера, например связанные с воспитанием. Так у современного ребенка, пристрастившегося к времяпровождению за компьютером, а сегодня это далеко не единичное явление, развитие и формирование психики, становление форм мышления протекает под воздействием и, если хотите, под контролем, придуманных кем-то, часто далеко не с лучшими намерениями, изобразительных аллегорий. Он мыслит образами тех героев, тех ситуаций, той обстановки, которые создает сам, но в рамках, в поле этих аллегорий. Происходит рассогласование виртуального благополучия с далеко не всегда такой же прекрасной реальностью. В его сюжете его герои, а тем более он сам, имеют десяток жизней. Увы, в реальности — если жизнь прерывается, то навсегда... Мы имеем массу примеров результатов такого рассогласования, и поэтому должны уметь изъясниться с ребенком на понятном ему языке изобразительных категорий, а не лечить его от «компьютерной зависимости». Пока иммунизация от действия дурного влияния и, соответственно, от дурных поступков, как и внедрение набора нравственных категорий и понятий «хорошо»/«плохо» происходит в вербальном поле.

Наконец, самое главное — проблемы с учебным процессом, имея в виду обучение изобразительным приемам — обучение рисованию. Этот процесс сегодня, как и в древности, по сути своей — передача учителем ученику собственного опыта и навыков. Здесь основной принцип: «делай как я, делай по возможности лучше меня...». Как отмечает Н.Бугаева: «Изобразительное творчество Средневековья основывалось на принципе «так делали наши отцы», т. е. условности изображения передавались из рук в руки, как многократно проверенные практикой приемы» [4]. Если, например, в словесном общении слышим «пока один жила, другой закончил дни...», мы тут же улавливаем ошибку, и, самое главное, можем дать четкую, конкретную рекомендацию по ее исправлению. Для этого у нас всегда под рукой известные всем метаязыковые категории: «род», «время» и др. При комментировании же неудовлетворительного изображения скорее услышим нечто вроде: «это слегка влево, а вот это, пожалуй, подать чуть светлее, а это слишком тяжеловесно...» и т.д. и т.п. в таком же духе.

Правда, в пособиях для дизайнеров, рекламистов и искусствоведов все чаще встречаем вполне к месту терминологию метаязыкового поля лингвистики (например, у И.Импинецкой [7] или у У.Боумана [3]), но, к сожалению, это скорее образные фигуры, словесные аллегории, не имеющие за собой надлежащей исследовательской поддержки.

Разумеется объект нашего рассмотрения, имея в виду иконнику, в более выгодном положении, нежели невербалика. Так, с одной стороны, лингвистические объекты сами пришли из области графики и в большинстве случаев наблюдение такого перехода доступно. С другой стороны, иконические объекты, по крайней мере, на стадии фиксации, реализуются подобно вербальными и их материальная основа родственна словесному представлению. Кроме того, в самом процессе построения иконического объекта непротиворечиво кроется связь между «глубинной структурой», т.е. мыслью и изобразительным средством, ее представляющим. «Глубинные структуры», выявленные Хомским, действительно складываются в онтогенезе, в процессе развития ребенка раньше, чем он становится способным говорить и понимать речь [6]. А это означает, что «схемы действия», в нашем случае процесс рисования, «контруэнтны схемам вещей», т.е. тому, что отражает сознание. Это означает также, что противопоставления типа: «мышление - язык», «глубинная структура языка - поверхностная структура языка», «субъект - подлежащее» и т.д., не столь напряженны применительно к языку иконики. Поэтому здесь вполне уместен лингвоцентризм в тех проявлениях, которые в свое время не устраивали невербаликов и психологов. Более того, вековые наработки вербального общения и применяющийся при этом метаязык могут быть в основной своей массе применены и в изобразительной коммуникации. А если учесть, что вербальные высказывания часто очень тесно переплетаются с иконическими и каждое из них в отдельности само по себе в контексте иногда теряет смысл, то, по-видимому, указанный метаязыковой аппарат должен быть общим, как для вербальной, так и для иконической формы общения, и должен осваиваться на самих ранних стадиях обучения грамоте. Впрочем, уже сегодня некоторые достаточно успешно реализуемые методики раннего обучения при изучении самых разных дисциплин предполагают именно комбинированное вербально-иконическое представление информации.

Выводы. Нами в настоящее время осуществляется прорисовка некоего концептуального поля исследования, в котором, подражая К.Бердвистлу [1] и И.Соболевскому [11], вводим применительно к иконике понятия: иконемы (наименьшей изобразительной единицы), иконолексемы (образования, наполненного определенным смыслом или являющегося указанием на конкретное обозначаемое), иконосинтагмы (в смысловом отношении законченного графического построения, аналога предложения) и т.п. Затем выделение, инвентаризация и классификация изобразительных объектов, претендующих обозначаться введенными понятиями. После это-

го інвентаризація і обобщення різних описань вербальних метаязыкових категорій, і наложення їх на сложившіся описательні представлення, які використовуються в образотворчому просторі.

Наконець, прорабатуються варіанти створення інформаційної бази і на її основі моделі некоего синтетического комунікативного інвентаря – аналога звичайних словарів. В такому «інвентарі» завдяки використанню комп'ютерних технологій вербальним об'єктам сопоставлялись би графічеські, кольорові, композиційні і т.п. об'єкти, при необхідності анімовані. Адаптований варіант «інвентаря» міг би використовуватися на різних етапах виховання і навчання, включаючи і найраніший. Тут виявиться доречним досвід побудови продуктів так званої дигітальної літератури, де разом працюють вербальний текст, анімація і інші мультимедійні технології.

Список використаних джерел

1. Асмолов А. За порогом раціональності: лінгвоцентризм і парадокси невербальної комунікації / А. Асмолов, Е. Фейзенберг // www.ashtray.ru/main/texts/asmolov.htm
2. Бодянов А. А. Текстология: Всеобщая организационная наука. В 2-х книгах / А. А. Бодянов. — М.: Изд-во «Экономика», 1989.
3. Боумен У. Графическое представление информации / У. Боумен; [пер. с англ.]. М.: Изд-во «Мир», 1971. — 228 с.
4. Бугаева Н. И. Схематические изображения и художественные образы архитектурной графики XVII века. [Электронный ресурс] // Н. И. Бугаева // Архитектурная графика: известия вузов. — 2009. — №3(27). — Режим доступа: http://archviz.ru/numbers/2009_3/таб
5. Гельб И. Е. Опыт изучения письма (основы грамматики) / И. Е. Гельб; [пер. с англ.]. — М.: Радуга, 1982. — 368 с.
6. Ильенков Э. В. Соображения по вопросу об отношении мышления и языка (речи) / Э. В. Ильенков. — Вопросы философии, 1977. — № 6. — С. 92-96.
7. Имшинецкая И. Креатив в рекламе. Образ как средство визуальной коммуникации / И. Имшинецкая. — М.: РИП-холдинг, 2004. — (Серия «Академия рекламы») [<http://evartist.narod.ru/text11/54.htm>]
8. Карпович В. П. Применение логики в филологии и языкознании / В. Н. Карпович, А. Л. Блинов // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. — 1980. — вып.3. — № 11. — С. 109-115.
9. Мордань В. И. Артефактное общение в системах специальной коммуникации / В. И. Мордань // Системы специальной коммуникации в современном русском языке: [сб. науч. тр.]. — Днепропетровск: ДГУ, 1990. — С. 43 — 47.
10. Мордань В. И. К вопросу о природе заимствования, отбора и закрепления в обиходе различных коммуникативных единиц / В. И. Мордань // Лексико-грамматичні інновації в сучасних слов'янських мовах. [мат. Всеукр. наук. конф.]. — Дніпропетровськ: Вид. ПБП «Економіка», 2003. — С. 96-100.
11. Соболевский И. А. Кинетическая речь на производстве / И. А. Соболевский // Семантика пространства и пространство семиотики: [труды по знаковым системам]. — Тарту, 1986. — Т. XIX.

Омельницька Є.С.
Криворізький державний
педагогічний університет

ФОРМУВАННЯ ПРОЕКТНОГО МИСЛЕННЯ СТУДЕНТІВ-ДИЗАЙНЕРІВ У ПРОЦЕСІ ПРОФЕСІЙНОЇ ПІДГОТОВКИ

Анотація. У статті розглядаються основні проблеми і завдання в галузі розробки дизайнерської освіти та формування проектного мислення у студентів-дизайнерів.

Ключові слова: дизайн, проектне мислення, дизайнерська освіта.